

УДК 341.01
DOI 10.52452/19931778_2022_2_43

ДОКТРИНА ВИТАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, НАЦИЙ И НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

© 2022 г.

Э.А. Каракулян

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

isoforma@yahoo.fr

Поступила в редакцию 01.03.2022

Цель работы – предложение и обоснование доктрины витальных прав. Данная концепция выступает комплексным отражением междисциплинарных подходов, системного, сравнительно-правового, а в юридическом плане – развития различных видов и поколений прав человека; противопоставляет односторонности индивидуалистической трактовки прав человека и является частью доктрины международного права, понимаемого как право «международного сообщества цивилизаций». Утверждается необходимость диалектического сочетания и гармонизации универсальных, интернациональных, цивилизационных и национальных принципов международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: философия и наука международного права, международное сообщество, права человека, телеология, цивилизация, евроцентризм.

Введение

Переходное (кризисное) состояние международной системы является вызовом не только в отношении действующих институтов, но и самой доктрины международного права (далее – МП). Актуальным становится поиск и выработка новых подходов, концептов и методов, в конечном счете адекватного словаря. В этом смысле акцент ставится преимущественно на междисциплинарных, в целом философских, способах расширения традиционного поля международно-правовой научности. Философские, т.е. категориальные и объяснительные в самом широком смысле, способы рассуждения и исследования могут указать на приоритетное направление развития МП и его науки (в стратегиях телеологии и политики МП) в новых условиях. По нашей версии, этот вектор должен быть движением в сторону концентрации усилий по реализации преимущественно гуманизационных практик, т.е. всего того, что в МП и его науке ассоциируется прежде всего с вопросами прав человека и что требует более широкого и комплексного подхода. В широком, академическом и стратегическом плане речь должна идти о доктрине витальных прав человека, наций и народов в самой широкой их интерпретации. Именно с подобной стратегией и можно ассоциировать снижение отрицательного эффекта от глобализационных (деглобализационных) процессов, процессов формирования отдельных «больших пространств» (К. Шмитт¹), транснациональных и наднациональных явлений («фрагментация МП»), с их бесконтрольностью, с точки зрения традиционных источни-

ков власти, механизмами контроля (особенно в эпоху нарастающей тотальной цифровизации), и этим самым наделять мировое развитие большей степенью *социальности и человечности, поступательности и осмысленности*. В силу этого общее введение и обоснование предлагаемой доктрины витальных прав человека и народов строится по линии ключевых категорий (концептов) философии МП.

Цивилизация

В современном МП и его науке в качестве наследства от классической и колониальной эпохи сохраняется концепт «цивилизованных наций» и, в целом, идея цивилизационной сущности МП, составляющей одну из весомых проблем доктрины (и не только). С одной стороны, под началом таких метаправовых категорий, как права человека и цивилизация, организуются и оправдываются определенные (глобалистские) концепции господства, подчинения и вмешательства, а не только универсалистские тенденции ценностного согласования интересов. С другой стороны, если в центре развития цивилизации находится вопрос о жизни человека и народов, интегрированных в общности различного уровня («политическое сообщество», государство, международное сообщество, в конечном счете человеческий род), то отражение этого на уровне доктрины и действующего МП по меньшей мере не однозначно и не очевидно. При этом политическая форма организации жизни – лишь способ реализации, и все дискуссии о цивилизационной принадлежности прав человека приобретают иной вид. Однако отсут-

ствие ясных и удовлетворительных формулировок по поводу места концепта «цивилизации» в международной сфере на уровне МП и неоднозначное его отражение в доктрине, сохраняющее до сих пор во многом узкое толкование (в рамках евро- или западоцентричных установок), позволяет видеть в нем множество коннотаций, если не определенно амбивалентный характер [1, с. 73], как отражение, одновременно, и «цивилизаторского» (колониального), и «цивилизационного» (антропологического) толкования МП. Само понятие «цивилизованных наций»², каким бы условным и излишним оно ни воспринималось в современной доктрине, должно было бы давно уйти из текстов актуальных правовых источников в историческое прошлое МП. И помимо «объединенных наций» не следовало бы идти в сторону «объединенных цивилизаций», коль скоро последние все более определенно вырисовываются в качестве действующих лиц на международной арене? Из конфликта или столкновения цивилизаций («соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций» [2, с. 31]) не должна ли родиться соответствующая система МП? И не должна ли быть телеологией МП идея именно объединения или ассоциации цивилизаций, а не единства или, напротив, не диссоциации? Объединения, которое видится преимущественно на основе категорий жизненного мира, общего для всех, а не на основе гомогенизации всех проявлений жизни, т.е. с учетом различия категорий (ценностей) универсального и абсолютного по сравнению с категориями частного и относительного порядка.

Ценности

Международные отношения (политическое сознание) порождают относительные категории, приведение которых к общему знаменателю может быть осуществлено в лучшем случае на основе принципов взаимности и вежливости, суверенности и равенства. Международное правосознание, формирующееся в рамках международного общения, по определению строится (в движении от политики к праву) на смысле расширяющей свой масштаб и силу своего действия нормы, становящейся универсальной. В категории ценности осуществляется универсализация масштаба нормативного содержания в ущерб силе действия. Правовая ценность сохраняет аналогичный нормативному смысл должностования, но, стремясь к максимально обобщенным рамкам своего содержания, она, являясь правовой, теряет по сравнению с нормой в силе, т.к. сила действия правовой нормы

зависит от того, насколько она конкретна. Но у ценности есть одно преимущество перед нормой: будучи неформальной по своему статусу, по своему смыслу она совпадает с некими формулами идентичности, базовыми категориями существования, т.е. с тем, без чего последнее немислимо. Поэтому в международном плане ценностью международного правосознания может быть только признаваемое всеми и за всеми право на жизнь – человека и общностей различного типа, но тем не менее центрированных единым стержнем (от внутрисударственного до международного), суть которого – сам факт принадлежности к роду человеческому. Разумеется, ценность не имеет стандартизирующего характера, т.к. ничего не говорит о конкретном «образе жизни», а если как-то нацелена на такое, то рискует потерять свой фундаментальный характер, приобретая формальный. Универсальность права на жизнь (как философская категория) не вызывает сомнений именно в силу фундаментальности, хотя в позитивно-правовом измерении любое представление об универсальности тяготеет к тотально-одномерному видению, когда размываются границы предметных значений «ценностей», «норм» и «принципов». Наиболее рельефно это проявляется при переходе от понятия «права на жизнь» к более широкому понятию «жизненного права», неизбежно связанного по своему объему с особенностями окружающего индивида социального, культурного, цивилизационного, в конечном счете «жизненного мира» (термин Э. Гуссерля [3, с. 41]). С другой стороны, если МП, понимаемое, преимущественно, как право международного сообщества (далее – МС), интерпретировать в качестве «права сообщества цивилизаций», то данную категорию («жизненное право») сложно отнести не столько к разряду универсальных, сколько метаправовых категорий, т.к. и в том, и в другом случае (в первом – меньше) появляется враждебный его глубинному содержанию момент стандартизации жизненных проявлений. При отсутствии оптимальных наименований характера «жизненного права» необходимо, прежде всего, иметь в виду его внутреннее – назовем его «интегративное» – значение, т.е. «объединяющее при сохранении различий». Поэтому международное сообщество, основанное в своем определении будь то на универсализме (универсальных) или на равновесии (относительных) ценностей – и то, и другое в противовес равновесию сил, – должно интерпретироваться, прежде всего, через концепцию витальных (а стало быть, цивилизационных) прав человека, неотделимую от витальных прав той общности (наций и народов), в

которую он встроен самым ходом истории и жизни, в рамках которой индивидуальные права приобретают социальное (коммунитаристское) измерение. Иными словами, доктринальной, философской и правовой основой МП может и должна быть не столько индивидуалистическая доктрина прав человека (обязанная своим происхождением метафизике естественных прав), сколько доктрина индивидуальных и коллективных прав человека (производная от философии естественно-социальных прав), в противовес сугубо евроцентрическому [4, с. 29–45] толкованию прав человека и МП в целом.

МС как субъект, или «Персонализация мира»

Историю МП и его науки на всем ее протяжении, так или иначе, понижает концепт объединенного человечества (естественное право, природа человека, человеческий род, «общая природа наций» Д. Вико, «*societas gentium*» А. Джентили, «*civitas maxima*» Х. Вольфа и Э. де Ваттеля). В современном виде, и в рамках общей социологии, и в рамках международно-правовых исследований, возникает вопрос, насколько сообщество может выступать в качестве самостоятельного «интегративного» субъекта [5]. Идея субъектности («персональности») *sui generis* международного сообщества проблематична по многим аспектам – историческим, теоретическим, правовым. Однако постоянные отсылки к идее общемировой общности на различных уровнях теоретизирования, а также попытки поставить вопрос о статусе юридического лица международного сообщества, наличие глобализационных, унификационных практик, процессов и стратегий на уровне действующих международных отношений – все это позволяет говорить о статусе МС в категориях некоего «протоюридического» лица, т.е. преимущественно в плане процессуальной потенциальности³.

Процесс образования и функционирования субъектов МП сопровождается процессом построения соответствующего им сообщества со своими интересами, ценностями и способами принятия решений. В силу категорической невозможности реального построения мирового политического сообщества государственного типа (или подобного ему, «совершенного», по Аристотелю) в рамках современного понимания МП можно говорить лишь о потенциальных направлениях в этом отношении, т.е. о понятии процесса приобретения элементов политико-правовой субъектности у МС, или «персонализации МС», Мира⁴ в целом, которое возникает

как необходимое допущение возможной перспективы. В этом смысле и в силу самой необходимости объяснительно-описательного допущения, что может фигурировать лишь в качестве фикции, данный концепт («персонализация Мира»⁵) можно сравнить по своему социально-правовому содержанию, например, с концептом «общественного договора». В любом случае, нежелательные эффекты от использования данного понятия (в основе которых – неверные интерпретации) можно сгладить отсылкой к необходимости понимания специфики данного процесса. Содержание последнего носит двойственный характер: анархия межсуверенного общения и совокупность начал универсально-коммунитарной организации в виде институтов МС и МП. Таким образом, необходимо констатировать наличие анархо-коммунитарного процесса в природе международного общения, сопровождающегося созданием соответствующих структур сообщества и права. Но каким бы ни был характер протекания данного процесса, представления о нем не охватывают всех особенностей и обстоятельств сбалансированного (поступательного) развития международной жизни. Социально-правовой конструкт, в категориях которого может быть выражена сумма и взаимодействие конституирующих МП процессов, окрашивается в тона доминирующих факторов и обстоятельств развития, которые сами по себе могут составить дополнительный конститутивный процесс, но в иной, расширенной, системе координат (например, глобализация элементов национального публичного интереса и порядка).

«Персонизация Человечности»

Процесс политико-правового (про-субъектного) обрамления МС носит стихийный и несубординационный характер. Поэтому процесс анархо-коммунитарной «персонализации Мира» (с целью реализации универсально-цивилизационной составляющей) должен сопровождаться адекватной «персонизацией Человечности». Иначе рассмотрение «больших пространств» будет рассматриваться как деспотия над- или внесуверенных контрольных механизмов, кому бы они ни принадлежали (будь то в рамках публичного или частного МП). Принципиально внешние по отношению к человеку, т.е. отчужденные от человеческой сущности, «большие пространства» (противостоящие в свою очередь друг другу) есть продукт – прямо или косвенно, но категорически определено – реакционных интеллектуальных программ (если не крайне правых, профашистских по своей природе или

традиции). Последние в рамках, преимущественно, западной международной политики и права нацелены на деперсонализацию цивилизационных, культурно-политических субъектов и лиц, идентичность которых должна быть колонизирована, стерта или «расчеловечена» (даже если речь идет с позиций универсальных, метаправовых и метакультурных категорий и ценностей, в содержании которых к тому же сложно отличить региональные и глобальные интересы).

Альтернативой этому может быть только процесс расширения действий в сферах, традиционно относимых (в рамках доктрин МП прав человека) к поколению социально-экономических и, в целом, культурных (в широком смысле, духовных) прав личности, в конечном счете и в целом – *жизненных* прав человека и народов во всем их (прав) объеме. Витальные же права (исторического и культурного) человека и витальные права государства, или политической формы цивилизации («жизненно важные интересы»), совпадают в своих глубинных основаниях⁶. При этом здесь речь идет не столько о формально-юридической стороне жизненных прав человека или механизмах их юрисдикционной защиты, сколько о необходимости их материальной (содержательной) реализации и принципе ответственности со стороны государства. Иными словами, в политически ориентируемом обобщении (в рамках политики МП) идея «персонализации Мира»⁷ вписывается в программы, так или иначе примыкающие в основе своей к левым, вернее, левоконсервативным (социальная помощь и суверенитет), или в той или иной форме (если необходимы ассоциации с классическими определениями) неомарксистским⁸ представлениям о человеке и соответствующем ему типу сообщества; о человеке как об интегральном «ансамбле» [6, с. 3]⁹ всех типов отношений, не только социальных, но и духовных¹⁰, суть которого – в склонности к гармоничному взаимодействию, взаимопомощи, а не вражде, к творчеству и сотворчеству, а не конкуренции, противостоянию и разрушению. Человек должен иметь возможность опираться на помощь социальных и властных структур всех уровней, компенсируя ее продуктами своего творчества (труда).

Социальная модель индивида

Отсюда, основным субъектом социально-правовых структур, основным типом индивида (в категориальном измерении) должен стать не «человек-потребитель» как агент глоболизирующегося «общества потребителей», не «гло-

бальный человек» или «человек новой морали» [7, р. 93–106], а «человек-творец» как субъект или проводник неформализованного «общества созидания». Эти два вида модусов жизни могут совпадать, пересекаться или сосуществовать. Они могут быть поименованы иначе или быть актуализированными в соответствии с конкретной повесткой дня («рантье», «пользователь» или «одномерный человек» [8] против «социальной ответственности», «всесторонне развитой личности», «всечеловека» Ф.М. Достоевского). Однако в какой-то момент без явного и принципиально определенного выбора стратегий не обойтись. Совершенствование социальной жизни в данном направлении и должно стать *telos*'ом любой системы права (внутренней и международной). Таким образом, подчеркнем, если на одном полюсе взаимодействия конститутивных процессов находится категория «персонализации Мира» (анархо-коммунитарного характера, в центре которого – согласие «великих держав»), то в отношении его диалектического противовеса речь должна идти о «персонализации Человечности», т.е. о перспективе (в той или иной степени) социально-духовной гуманизации международной и внутренней жизни, становящейся наиболее актуальной в период продекларированного со всех сторон исчерпания капиталистической модели.

Онтология МП

При этом необходимо отметить важный момент, отличающий современное состояние взаимодействия международного и внутреннего планов от того, что характеризовало преимущественно классическое мировоззрение с его наследием и в постклассическое время. Классическая мысль видела развитие МП двояко: как расширенное внутреннее право, оставляя (а) онтологии международной жизни, главным образом, естественное право и право войны. Будучи в той или иной степени продолжением или проекцией (глобализированным и универсализированным) внутренних социально-политических процессов, с опорой на «глобализацию рынков», универсализацию «классового сознания» (советская доктрина МП) или «прав человека» (либерализм), международно-правовая мысль касалась вопросов онтологии МП по мере того, как (б) все более рельефнее становилась социальная структура международной жизни (*societas gentium, civitas maxima*). Иными словами, онтология МП выражалась в базовых структурах жизни МС (войны и мира, особенностей межсубъектного взаимодействия), по поводу которых, в частности, возможен был междок-

тринальный консенсус, выражающийся в авторитете Г. Гроция. При этом МП в отраслевом своем состоянии (помимо вопросов войны и мира) формировалось, как правило, после того, как соответствующие возможности и вопросы были проявлены на внутрисоциальном уровне, создавая консенсуальные и стандартизированные формы и формулы для различных национальных структур, достигших необходимости общемирового или регионального значения и признания. Однако с точки зрения теории множественности копроцессов, конституирующих МС и право, в частности, в условиях глобализации и деглобализации (регионализации, фрагментации) и необходимости создания условий для поступательного развития дробно-единой международной системы, недостаточно просто сослаться на слишком общий принцип «ubi societas (mundi) ubi jus», важно видеть общие для МС и его права собственные основания (в рамках самостоятельного философско-политического анализа, социологии международных отношений и др.), т.е. не только (и не столько) полагать их проекцией внутренней сферы жизни государств и обществ, сколько проекцией собственного бытия (например, актуализация концепта «общего достояния» в отношении морских пространств). Собственное бытие международного сообщества, неотделимое от международного статуса и поведения государств, в современных условиях может быть устойчивым при условии обеспечения со стороны основных действующих лиц принципиально поступательного развития¹¹, которое состоит, прежде всего, в диалектической соразмерности между всемирным статусом основных («миродержавных» по Н.Я. Данилевскому [9, с. 377]) субъектов и «всечеловеческими» приоритетами человека.

Альтернатива либеральной доктрине прав человека

В силу вышеотмеченного, категория всемирности, или «персонализация Мира», должна быть уравновешена – в силу требований поступательности и равновесности – всечеловечностью, или «персонизацией Человечности»¹², что в основе своей согласуется с приоритетами, условно говоря, левоконсервативного направления или примыкающих к нему программ (утверждение межсуверенной коммунитарности с опорой на «социально-экономические» и «культурно-духовные» параметры идентичности и суверенитета)¹³. Если же между Миром и Человечностью не будет промежуточного звена в виде государственного суверенитета или от-

дельных его полномочий, в конечном счете политически оформленной цивилизации, то человек не будет иметь своего проводника (и представителя) в глобальном мире в рамках МП. Встреча же между человеком и миром – в международно-правовом измерении – может произойти лишь в институте ответственности властных субъектов, международных лиц (государств) на основе, преимущественно, принципов *jus cogens*, *erga omnes* и жизненных прав человека. Вне зоны действия традиционных и ответственных международных лиц судьба человека и человечности рискует оказаться в зоне неконтролируемых и, стало быть, нелегитимных полномочий иных – транснациональных, наднациональных – субъектов провластного свойства (корпорации, бюрократия, элита и проч.). В конечном счете, позитивное восприятие кризиса состоит в том, чтобы находить точки и места, где идея поступательности страдает или терпит поражение перед состоянием кризиса, – с целью перевода их в позитивное русло.

Фактор человека

Онтология МП, формируемая в рамках разворачивания конститутивных процессов (персонализации, гармонизации, универсализации, юридизации), в контексте максимально широкого поля и аспектов междисциплинарности, интегральности и всесторонности, оказывается неполноценной, незавершенной в силу того, что политическое сообщество любого уровня (а МС, пусть и в архаическом виде, относится к таковым) не имеет смысла вне действия фактора человека. Не «человеческого фактора», ассоциируемого с моментами неопределенности и несистемности, а фактора, проистекающего из самого бытия человека, вернее, его миро-человеческого статуса. Мир (международный мир, в частности) существует постольку, поскольку существует человек. В этом смысле, мир, в котором нет человека, есть всего лишь физическое пространство, безличная природная стихия. Но как только мы опираемся на эту категорию («Мир»), мы акцентируем на неких разумных и организационных началах социального пространства существования. «Мир гражданственности» (Д. Вико) [10, с. 108], т.е. социум, а стало быть и мир международных отношений, создан людьми. Если для Д. Вико данный тезис был важен в отношении, прежде всего, самой возможности познания (гносеологии) «интеллигибельных вещей», то в нем, помимо данного аспекта, можно усмотреть необходимый момент онтологического характера: создаваемый человеческими действиями мир несет в

себе человеческое начало – и даже тогда, когда продукт его творчества рискует отдалиться от него катастрофически. Отсюда, категория «персонализации Мира», имея характер научной гипотезы или правовой фикции, может работать при условии сохранения определенного соотношения ее с реальностью человеческого (социального и политического) бытия. Вне этого соотношения фикция теряет характер научно обоснованной гипотезы (объяснительного свойства), превращаясь в жанр фантазийного, если не утопического, творчества (описательного свойства). Таким образом, категория «персонализация Мира», будучи по форме правовой фикцией¹⁴, может найти свои основания в действительности, при условии ее уравнивания с категорией «персонализации Человечности» как диалектическим противовесом. Реальность отражается не полюсами диалектических противовесов, а тем, что находится между ними (как проекции их взаимодействия). Мир, основанный согласием миродержавных лиц, может сохраниться (и – в определенном порядке) лишь при условии проявления его онтологического характера – быть завершением или предназначением человека (интенции приобретают признание и завершение при условии их включенности в общественную связь). При этом «миродержавный» статус основных субъектов не должен выражаться в игнорировании принципа равенства и суверенности меньших политических величин, но должен оцениваться, прежде всего, с точки зрения большего объема ответственности и ее реального наполнения¹⁵. Согласие (гармонизация) волеи миродержавных лиц имеет двойное измерение: оно отражает и в то же время формирует реальность международной жизни, системность и устойчивость которой зависит (помимо паритета реальных качеств и условий субъектности, помимо тонких переходов между «отражением» и «формированием» реальности) от морально-правовых категорий, фокусируемых вокруг принципов взаимоуважения (согласия по горизонтали) и уважения человека и его прав (согласия по вертикали). Политическая реальность вне рамок категорий человеческой природы, социальности и человечности (*intra et inter gentium*, внутренней и универсальной) не имеет собственного бытия; иное может быть описано преимущественно в параметрах временности, деспотичности и неустойчивости, конкретные величины которых и определяют размер последующей катастрофы, если не меньшие по размерам эксцессы неправомерного развития. Череду катастроф, составляющей историю международно-правовых и государственных систем, может быть противо-

поставлена лишь реальность и право «поступательного движения наций» [10, с. 33].

Коммунитаристская природа жизненных прав

В силу вышеотмеченного речь идет о необходимости реальных и эффективных институтов универсального консенсуса по поводу как жизненных прав государств, так и жизненных прав человека, стратегии в рамках которых могут быть гарантией сохранения общностей любого уровня, включая *civitas maxima*. Мир, открытый для человека, может стать человеческим, а человек, открытый для мира, – универсальным. Но такого рода «антроповерсальный» характер Мира не может быть, по своей сути, пространством стандартного, глобализованного человека («общечеловека» по Ф.М. Достоевскому), несмотря на усиливающуюся гомогенизацию технологических и социологических условий существования. Антропология МП и понятие стандарта, как говорится, – «две вещи несовместны». Формальности и цивилизаторской ангажированности концепции «стандартов прав человека» противостоит материальность и цивилизационная телеология концепции витальных прав. Доктрине глобализации МП («господство права» Х. Лаутерпахта [11, с. 207]), основанной на господстве цивилизации одного типа (в единственном числе), должно противостоять понимание МП, прежде всего, сквозь призму принципа множественности цивилизаций, а понимание МС – на основе множественности процессов, конституирующих МП (а не в одномерной системе категорий глобального конституционализма, «глобкон» [12]). Иными словами, концепция жизненных прав – помимо категории общих ценностей и норм для всех – опирается на требования учета культурно-цивилизационных отличий каждого коллективного субъекта, выдвигая на первый план не столько примат коллективности над индивидуальностью, сколько требование оптимального поиска согласования и того, и другого в диалектическом целом. Формально, принцип или требование согласования присутствует и в современных западных социально-правовых доктринах, и, например, в африканской доктрине прав человека, и в целом в традиционном восточном мировоззрении, хотя в действительности доминируют те или иные акценты и предпочтения¹⁶. Кроме того, возникает проблема эффективности конкретных механизмов защиты индивидуальных прав человека, которая обратно пропорциональна философскому охвату прав человека. Но этот тезис можно развернуть и в пользу коллективности:

нарушение прав одного затрагивает и права всех («свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [13, с. 446–447], *et vice versa*). Согласование требует осознания общей платформы согласуемых позиций, а таковой может быть, прежде всего, концепция примата жизненных интересов и прав всех и каждого. В конечном счете согласование индивидуальных и коллективных, национальных и универсальных позиций возможно на основе именно общей концептуальной и стратегической платформы, толкование которой сквозь призму категории «стандарта» было бы некорректным.

Иерархия международных прав

Мирное «лицо» Мира определяется согласием миродержавных лиц по вопросам витальности человека и человеческого рода. Доктринально это выводит на первый план принцип мирного сосуществования и его прямое следствие – права на жизнь. Далее, по этой логике, должно следовать право на развитие [14] в категориях поступательности, как отвечающее всем жизненным запросам: всесторонне развитый человек и нации возможны лишь в антроповерсальном и суверенитарно ориентированном мире. Иными словами, консервация базовых принципов цивилизационного и публичного порядка является основанием для развития, т.е. свободы в сфере выбора форм существования¹⁷. Акцент на необходимости реализации социально-экономических, культурных (духовных) прав человека¹⁸ связан с требованием поступательности. Фиксация формальных требований, например «инклюзивности» или «новой морали», т.е. акцент на форме существования¹⁹, открывает свободу в сфере выбора базовых принципов, т.е. беспринципность, которая не может быть основанием ни для устойчивого, ни для поступательного развития. Отсюда, в перечне прав человека должно быть право на соответствующее, антроповерсальное, качество (разумеется, мирной) международной жизни.

В этом месте возникает два типа соображений. Во-первых, по вопросу о соотношении и роли МП и внутреннего: применительно к требованиям качественного мироустройства и то, и другое в равной степени важно. Во-вторых, новая неолиберальная идеология²⁰ оказывается, в определенной мере, способом дестабилизации традиционных социально-культурно-политических структур, фиксируемых отчасти в понятии внутреннего публичного порядка (интереса), и может рассматриваться, преимущественно, в качестве защиты исключительно публичного

интереса узкой группы, элитарность которой граничит с категориями сегрегационного сознания, деления людей на типы и сорта (коль скоро публичный интерес данной группы не может быть, по идее, связан с дестабилизацией собственных оснований). Отсюда, новые стратегии неолиберализма как способ разобщения традиционных социальных агентов и как иллюзия «новой морали, или справедливости»²¹, противостоят эгалитарности, коль скоро основываются на преференциальном отношении к сфере индивидуальных и коллективных прав. В любом случае, властный интерес элитных групп, управляющих внедрением модели т.н. «инклюзивного капитализма», не отрицает идеологии исключительности (скорее, предполагает) и связан если не с суицидом собственных традиционных оснований, то с угрозой в отношении иных. Противоречие заложено в самом проекте «эксклюзивной», по сути, «инклюзивности», который, кроме прочего, не может быть перенесен на международную сферу и пространство коллективных образований, не создавая условий для дестабилизации не только внутрисударственных соображений публичного порядка, но и основных принципов данного проекта, где крайний индивидуализм антагонистичен демократии большинства. Последовательная же логика инклюзивной демократии должна привести к учету интересов недемократических элементов и структур, что и ведет к отрицанию и собственных оснований.

Право на поступательное развитие, рассматриваемое в данном аспекте пересечения глобальных и национальных интересов, не может быть продуктом чисто экономических категорий в отрыве, например, от социальных и в конечном счете от всего комплекса прав. Оптимальная система международных прав и связанных с ними основных принципов, в каком бы виде ни была представлена, может быть построена, прежде всего, на основе определения приоритетов консервации и развития и их соотношения: что следует сохранить в неизменном виде, а что наделять должным развитием²². В этом ракурсе, право на жизнь, экологию, общее достоинство человечества подпадают, прежде всего, под категории сохранения, а право на развитие – в рамках социально-, национально-, цивилизационно-ориентируемых доктрин модернизации и обновления, допускающих свободу выбора траекторий «поступательного движения вперед».

Заключение

Первичными универсальными и базовыми могут быть признаны исключительно принципы

вита́льных прав человека, наций и народов (несмотря на то, что в литературе, отчасти в практике Международного суда ООН²³ наблюдается тенденция отождествления принципов, норм и стандартов, что теоретически некорректно [15, с. 188]). В любом случае, МП (индивидуальных и коллективных прав) должно строиться не на догматическом универсализме «стандартов», концептуальная генеалогия которых восходит к колониальной категории «стандарта цивилизации» (Г.В. Гонг [16]), а на принципе диалектического сочетания и гармонизации универсальных, интернациональных, цивилизационных и национальных принципов и международного и внутригосударственного права. Доктрина витальных прав позволяет преодолеть дихотомию, наблюдаемую между теорией и правом, между категориями прав индивидуальных и коллективных субъектов, между общими принципами-требованиями МП²⁴ и правами человека, между социо- и государствоцентричными подходами к праву МС. Приоритет широкого комплекса жизненных прав человека, наций и народов должен стать основной, если не единственной, телеологией МП, т.к. по своему содержанию данная концепция способна стать фокусом и суммирующим обобщением предшествующего опыта формирования международно-правовых институций, систематизируя его, в то же время, более когерентным и политически, философски и юридически безупречным способом в условиях борьбы за доминирующий образ Мира.

Примечания

1. См. по этому поводу: Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum eurgoraem*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
2. Статут Международного суда ООН (ст. 38) отмечает «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями».
3. На основе правовых гипотез и фикций, призванных провести границы объяснения действующих процессов.
4. Мира как «общего пространства» в отличие от мира как «мирного состояния».
5. О международно-политическом и национальном контексте данного понятия см.: Каракулян Э.А. Метафизика международного права (От обзора к альтернативе) // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 6. № (4). С. 16–26.
6. Классическим подтверждением этого является идея (в рамках философской традиции от Аристотеля до Гегеля) о том, что высший смысл своего существования и предназначения человек приобретает лишь в соответствующем политическом сообществе, полном или государственном состоянии.
7. Не столько на основе интересов великих держав, сколько с целью утверждения жизненных прав.
8. Коль скоро именно данная традиция мысли выдвигает на первый план социально-экономические права человека.
9. По К. Марксу «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». В оригинале: «ансамбль общественных отношений»: «In seiner Wirklichkeit ist es das ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse».
10. Во избежание излишнего социологизма и экономизма марксистской доктрины определенного периода.
11. Не смешивать с концепцией устойчивого развития, трактуемой, как правило, в экологическом ключе.
12. По удачному выражению С. Шаталовой, «Человечество – это все человеки вместе, если их рассматривать как одного большого человека». URL: <https://sofijashatalova.jimdofree.com/афоризмы/> (дата обращения: 12.12.2021).
13. В выступлении президента РФ В.В. Путина на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» выдвигались требования достижения мира через усиление социально-экономической согласованной политики на международной арене, а также в сфере образования и здравоохранения. Данный факт может служить иллюстрацией того, как к одним и тем же по характеру тезисам (независимо от их политической типологизации) можно прийти с разных сторон. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения: 01.02.2021). В выступлении на заседании международного клуба «Валдай» В.В. Путин заявил об исчерпании современной модели капитализма: «Все говорят о том, что существующая модель капитализма, а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя. В ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий». URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/10/2021/617182b79a7947da0cfe221a> (дата обращения: 12.12.2021).
14. Аналогичная оценка идеи *civitas maxima* в качестве фикции содержится у Э. де Ваттеля, полагавшего «фикцию такой республики ни очень справедливой, ни достаточно убедительной, чтобы вывести из нее правила Универсального права народов и обязательно признаваемые суверенными государствами» (Vattel, Emer de, *Droit des gens ou principes de la loi naturelle appliquees à la conduite et aux affaires des nations et des souverains* (Londres 1758), Preface, xvii. (перевод со старофр. на фр.)). URL: <http://www.larecherchedubonheur.com/article-28500919.html> (дата обращения: 12.12.2021).
15. Хотя это и может выражаться в идее некой формы международного «патроната» или «вассалитета», системы опеки за рамками права ООН.
16. Запад традиционно акцентирует на индивидуальности, Восток – коллективности.
17. Остается определиться по поводу новых стимулов и ресурсов развития.
18. Социальная помощь, социальный смысл собственности, труда и творчества.
19. Что становится, по сути, способом сохранения, дополнительной «демократической» стимуля-

ции современного капитализма, принципы которого пытаются оставить в неизменном виде.

20. Инклюзивность, «новая этика», трансгуманизм и проч.

21. Т.к. не решает вопросов собственности или иного, более сбалансированного распределения благ.

22. Никакое развитие невозможно без сохранения базовых категорий, максим, принципов.

23. О тождестве принципов и норм см. решение от 12 октября 1984 года по делу о делимитации морской границы в районе залива Мэн (Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1993. С. 163).

24. Право на мир и безопасность, право на развитие, экологически устойчивое развитие и др.

Список литературы

1. Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960 (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: Изд-во «АСТ», 2003.
3. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Учебник. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Проспект, 2016. 832 с.
4. Каракулян Э.А. Евроцентризм в структуре международно-правовых исследований (обзор и критика основных методологических позиций) // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 2.
5. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: Учебное пособие. М.: Высш. шк.: КД «Университет», 1997. 448 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
7. Goncharov V., Zalesny J., Balashenko S., Vasilevich G., & Pukhov A. The place of a person in the ontological principles of global constitutionalism: social and philosophical analysis // WISDOM. 2020. 15 (2). P. 93–106.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Академический проспект, 2015.
10. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М.–Киев: «REFL-book»-«ИСА», 1994.
11. Каламкарян Р.А. Философия международного права / Ин-т государства и права РАН. М.: Наука, 2006.
12. Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм – теория мирового правового порядка или новая политическая идеология? // Historia Provinciae. Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 3. С. 974–1019.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
14. Lejbowicz A. Philosophie du droit international: L'impossible capture de l'humanité – Paris: Presses univ. de France, 1999. 442 p. URL: https://www.puf.com/content/Philosophie_du_droit_international (дата обращения: 12.12.2021).
15. Салия М.Р. Понятие «международный стандарт» в теории международного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. Сентябрь. № 9 (94). С. 188.
16. Gong G.W. The Standard of Civilization in International Society. Oxford: Clarendon Press, 1984, 267 p.

THE DOCTRINE OF THE VITAL RIGHTS OF HUMAN, NATIONS AND PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF INTERNATIONAL LAW

E.A. Karakulyan

The purpose of the article is to propose and support the doctrine of vital rights, which is the complex reflection of interdisciplinary, systemic, comparative legal approaches. In legal terms, it is the result of the development of various types and generations of human rights and of opposition to the one-sidedness of the individualistic interpretation of human rights; it is also part of the doctrine of international law, understood as the law of the “international community of civilisations”. In conclusion, it is about the need for dialectical combination and harmonization of universal, international, civilizational and national principles of international and national law.

Keywords: philosophy and science of international law, international community, human rights, teleology, civilization, Eurocentrism.

References

1. Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960 (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
2. Huntington S. Clash of Civilizations / Translated from English by T. Velimeeva, Yu. Novikova. M.: AST Publishing House, 2003.
3. Polyakov A.V. General Theory of Law: problems of interpretation in the context of a communicative approach: Textbook. 2nd ed., corrected and additional. M.: Prospect, 2016. 832 p.
4. Karakulyan E.A. Eurocentrism in the structure of international legal studies (review and criticism of the main methodological positions) // Russian Journal of Legal Studies. 2021. Vol. 8. № 2.
5. Momdjian K.H. Introduction to social philosophy: Textbook. M.: Higher School: CD «University», 1997. 448 p.
6. Marx K., Engels F. Essay. Vol. 3.
7. Goncharov V., Zalesny J., Balashenko S., Vasilevich G., & Pukhov A. The place of a person in the ontological principles of global constitutionalism: social and philosophical analysis // WISDOM. 2020. 15 (2). P. 93–106.
8. Marcuse G. One-dimensional man. M.: REFL-book, 1994. 368 p.

9. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance. M.: Academic Avenue, 2015.
10. Viko D. The foundations of a new science about the common nature of nations. M.–Kiev: «REFL-book»-«ISA», 1994.
11. Kalamkarian R.A. Philosophy of International Law / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M.: Science, 2006.
12. Medushevsky A.N. Global constitutionalism – the theory of the world legal order or a new political ideology? // *Historia Provinciae. Journal of Regional History*. 2020. Vol. 4. № 3. P. 974–1019.
13. Marx K., Engels F. Essay. 2nd ed. Vol. 4.
14. Lejbowicz A. Philosophie du droit international: L'impossible capture de l'humanité – Paris: Presses univ. de France, 1999. 442 p. URL: https://www.puf.com/content/Philosophie_du_droit_international (Date of access: 12.12.2021).
15. Salia M.R. The concept of «international standard» in the theory of international law // *Actual problems of Russian law*. 2018. September. № 9 (94). P. 188.
16. Gong G.W. The Standard of Civilization in International Society. Oxford: Clarendon Press, 1984. 267 p.